

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Каяниди Леонида Геннадьевича
«Универсальная модель художественного мира Вячеслава Иванова»,
представленную на соискание учёной степени доктора филологических
наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации (филологические науки)

Творчество Вячеслава Ивановича Иванова, одного из самых ярких и значительных представителей эпохи Серебряного века, было и остается объектом пристального изучения в отечественной и зарубежной науке. Многочисленные труды, посвященные личности и творчеству теоретика русского символизма, относятся к разным научным областям: литературоведению, лингвистике, истории, философии, религиоведению, культурологии. И это не удивительно, поскольку Вяч. Иванов был, по словам Н. Бердяева человеком «универсальным»: поэт, драматург, публицист, учёный, «лучший русский эллинист», мыслитель, теолог и теософ. Если бы Иванов жил в эпоху Возрождения, к его характеристике добавили бы слово «полимат» (от греч. πολυμαθής – многознающий), так называли людей, которые были талантливы во многих сферах. Подобная многосторонняя одаренность, сам масштаб личности Вяч. Иванова создают определенные трудности в постижении его художественного мира, и, несмотря на продуктивность проведенных исследований, в ивановедении остается еще много спорных вопросов, нерешенных проблем. Взять хотя бы тот факт, что на сегодняшний день нет полного собрания сочинений Вяч. Иванова, и это при том, что его наследие велико и многообразно. Возможно, это связано, с одной стороны, с постоянным пополнением архивов, введением в научный оборот ранее неизвестных и недоступных материалов, а с другой – с противоречивостью и сложностью самой фигуры поэта, неоднозначными оценками его личности и творчества, существовавшими еще при жизни писателя и сохранившимися до наших дней. В этой связи стоит вспомнить знаменательное высказывание С.С. Аверинцева: «У Иванова даже над тем, что вызывает протест, хочется думать; его интуиция истории богаче, полнее, чем кажется с первого взгляда, там есть тайна, а не игра в тайну». Действительно, в попытках постичь эту «тайну» исследователи неоднократно обращались к проблеме поиска таких доминантных констант, которые бы являлись универсальными для творчества Вяч. Иванова и позволяли бы представить сложный художественных мир поэта как единую систему. В этом отношении диссертация Л.Г. Каяниди, посвященная поиску таких универсальных основ, является безусловно **актуальным** и своевременным научным исследованием. Опираясь на основные современные подходы к

постижению художественного мира Вяч. Иванова и его системы символов, диссертант ставит перед собой задачу синтезировать сильные стороны этих подходов для создания интегральной модели художественного мира поэта, объясняющей «феномен системности символов поэта» (с.20), о котором в свое время говорили М.М. Бахтин и С.С. Аверинцев. И это также свидетельствует об актуальности работы диссертанта.

Представляется убедительным ракурс исследования, избранный Л.Г. Каяниди. Ставя перед собой цель «реконструировать структурно-семантическую модель художественного мира Вячеслава Иванова» (с. 20), диссертант полагает, что этот художественный мир представлен в форме единого метатекста, включающего два гиперсюжета – мистериально-дионисийский и «ты еси». Вся логика исследования направлена на подтверждение, что именно мистериально-дионисийский сюжет является одной из главных универсалий художественного мира поэта.

Исследование опирается на солидную философскую и литературоведческую базу. В основу работы положена концепция, выраженная в трудах М.М. Бахтина, С.С. Аверинцева и А.Ф. Лосева, о целостности и системности художественного мира Вяч. Иванова, о логической связи всех символов этой единой сложной системы.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в ивановедении предпринята попытка рассмотреть художественный мир Вяч. Иванова с точки зрения универсальной модели – структурно-семантической и мифопоэтической. Установлены основные универсалии его художественного мира – мистериально-дионисийский сюжет и сюжет «ты еси». Предложена новая интерпретация феномена дионисийства Вяч. Иванова, на основании чего автор диссертации представил новое прочтение ряда произведений поэта, связанных с мистериально-дионисийским сюжетом, а также новое осмысление его жизнетворческих практик («тройственных союзов»).

Теоретическая значимость работы видится прежде всего в том, что в ней решается проблема системности и целостности художественного мира Вяч. Иванова, что имеет важное значение для восполнения лакун в воссоздании личности и творчества одного из знаковых деятелей русского символизма и русской религиозной философии. Автором диссертации предложена структурно-семантическая и мифопоэтическая модель, интегрирующая основные константы художественного мира Вяч. Иванова, которая может использоваться исследователями, изучающими литературу и культуру Серебряного века.

Практическая значимость работы подтверждается тем, что её положения и выводы могут служить существенным дополнением в построении вузовских курсов истории русской литературы, истории

философии конца XIX – начала XX вв. Проанализированные Л.Г. Каяниди материалы также могут быть использованы в разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных изучению творчества Вяч. Иванова и проблемам русского символизма, а также комментариев в подготовке его полного собрания сочинений.

Композиция работы представляется логичной и убедительной. Обращает на себя внимание избыточное наличие подпунктов в каждом параграфе всех трех глав. Тем не менее нам видится в этом определенная целесообразность: обозначенные подпункты придают работе четкость и прозрачность, представляя своеобразный алгоритм, отражающий все этапы исследования. Помимо этого, необходимо отметить особую роль таблиц, которые напрямую соотносятся с целью работы и потому являются основополагающими в концепции диссертанта. По словам Л.Г. Каяниди, «колонки таблицы являются смысловыми плоскостями мистериально-дионаисийского сюжета, которые обозначают степени проявленности сущего» (с. 35). По мере продвижения исследования диссертант будет возвращаться к ним и дополнять первоначальные таблицы новым смысловым содержанием.

В первой главе работы Л.Г. Каяниди обращается к исследованию мистериально-дионаисийского сюжета – главной универсалии художественного мира Вяч. Иванова. Диссертант представляет его структуру как «единый метатекст», где выделяется ядро и периферия, а также отмечает те произведения автора, в которых мистериально-дионаисийский сюжет присутствует явно или имплицитно. Прослеживая его генезис, диссертант концентрирует основное внимание на двух этапах восприятия этого сюжета Вяч. Ивановым: «доницшеанский» и «ницшеанский». Возможно, стоило бы отметить, что сам поэт впоследствии признавал, что именно Ницше обратил его к изучению «религии Диониса». Добавим, что не только его. Влияние Ницше испытали практически все символисты: В. Брюсов, Д. Мережковский, К. Бальмонт и др.

Несомненным достоинством работы является использование диссидентом автодокументальных источников (дневников, писем, воспоминаний), которые помогают ему достаточно полно обосновать то или иной положение работы. Убедительной видится точка зрения автора исследования о том, что в книге «Кормчие звезды» представлена первая «художественно-поэтическая экспликация мистериально-дионаисийского сюжета» (с. 75). Это подтверждается глубоким и основательным анализом стихотворений, на основе которого автор делает вывод о специфике презентации мистериально-дионаисийского сюжета, представленного

Вяч. Ивановым обрывочно, в виде мозаики, своеобразных «осколков», что впоследствии будет характерно для всех его лирических текстов.

Интересна интерпретация астральной символики в стихотворениях Вяч. Иванова и соотнесение ее с мистериально-дионаисийским сюжетом, где звездное небо «понимается как антиномическое единство макрокосма и микрокосма, дионаисийски-божественного и титанически-человеческого» (с. 68). Заслуживает внимание и трактовка образов «тень сна», «крест небес» в ракурсе дионаисийского сюжета.

Хочется отметить наблюдение Л.Г. Каяниди, касающееся идеи «тройственных союзов», «тройственного брака», которая возникла «задолго до жизнетворческих экспериментов» (с. 73). Это отражено в некоторых стихотворениях Вяч. Иванова, где, по мнению доктора филологических наук, для поэта «важны не мотивы смерти и воскресения сами по себе, а их соотношение с темой любви: «Преодоление целлюлярности земной любви может быть дано только через общую взаимную любовь к Третьему» (с. 73). Автору докторской диссертации, возможно, стоило бы провести типологические параллели с воззрениями старших символистов, например, с З.Н. Гиппиус, ее метафизикой любви, поисками божественного Абсолюта. Так, в романе «Сумерки духа» читаем: «Я в тебе... люблю Третьего. <...> Прямо мне любить Его не дано, а дано любить лишь через мне подобного. Ты моё окно к этому Третьему». Позиции Вяч. Иванова и Гиппиус в поисках абсолютной, божественной любви здесь типологически сходны, поскольку своими корнями уходят в одни и те же источники: философию Платона и неоплатонизм Вл. Соловьева, к которым неоднократно обращается автор в своем исследовании. Примечательно, что сборник Вяч. Иванова «Кормчие звезды» и роман З. Гиппиус «Сумерки духа» создавались почти одновременно.

Заслуживает интереса наблюдение, что у Вяч. Иванова почти всегда дионаисийский сюжет, в частности, мотив растерзания Диониса подвергается «христианизации и синтетически вбирает христианско-литургическую образность» (с. 74). И здесь опять напрашиваются типологические параллели, связанные с двумя линиями дионаисийского сюжета: «нисходящего» и «восходящего» дионаисизма, соотносимые с христианской эмблематикой, что отразилось в произведениях многих поэтов-символистов: Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Блока, Андрея Белого.

Безусловным достоинством докторской диссертации является высококвалифицированный и глубокий анализ философских текстов, сформировавших мистериально-дионаисийский сюжет как главную универсалию художественного мира Вяч. Иванова. Исследуя диалоги Платона, докторант добавляет новые штрихи к уже существующему

прочтению текстов философа, связывая их с основными универсалиями мистериально-дионисийского сюжета у Вяч. Иванова. Хочется отметить ряд интересных моментов, весьма значимых для его интерпретации: символика креста, посредством которой происходит своеобразное скрепление, смысловое объединение языческой и христианской символики (с. 112), а также символика ткачества, которая также крестообразна.

Интересны наблюдения, связанные с образом зеркала, неотъемлемым элементом мистериально-дионисийского сюжета, и соотносимой с ним категорией «прозрачности», весьма важной для философско-художественных и эстетических взглядов символистов. В этой связи можно вспомнить, что название второго сборника Вяч. Иванова «Прозрачность» непосредственно восходит к одноименному стихотворению К. Бальмонта из сборника «Зеленый Вертугград».

Логичен переход ко второй главе диссертации, в которой представлен анализ трагедии Вяч. Иванова «Прометей», где функционирование мистериально-дионисийского сюжета выражено наиболее репрезентативно. Несмотря на то, что трагедия Вяч. Иванова неоднократно становилась предметом исследования, наблюдения и выводы диссертанта служат существенным дополнением к литературно-философскому комментарию этого произведения. Привлекая широкий автодокументальный материал, Л.Г. Каяниди воспроизводит историю создания трагедии, выявляет причины неоднократного переосмысливания замысла, сложности в его реализации. Анализируя композицию трагедии, диссертант убедительно обосновывает устойчивую связь прометеевского мифа с дионисийским, подтверждая это многочисленными примерами из сочинений Плутарха и Ницше. На основании этого диссертант делает вполне закономерный вывод об «универсально-космологическом статусе» Прометея, «который изображается Ивановым не только как основатель человеческой культуры, но и как демиург» (с. 170).

Заслуживает внимания сравнительно-сопоставительный анализ мотивно-образной и лексико-семантической системы поэмы «Сон Мелампа» и трагедии «Прометей», в ходе которого диссертант приходит к выводу о том, что мистериально-дионисийский сюжет предстает в них как интертекст, «выступает как интегральная структура и что развертывание этой структуры представляет собой видоизмененное повторение единого архетипа» (с. 182).

Интересны материалы работы, посвященные анализу образа Прометея, связанные с его амбивалентным характером: с одной стороны, Прометей – это «дионийская творческая сознательность» (с. 207), а с другой – он носитель титанизма. Рассматривая особенности Прометея как демиурга, Л.Г. Каяниди останавливает внимание на факте совмещения

«демиургии Прометея с орфической антропологией», что недостаточно полно освещено в исследовательской литературе, а именно: «мотив создания Прометеем людей накладывается на мотив возникновения людей в результате смешения титанического и дионисийского начала» (с. 208).

С большим интересом читаются страницы работы, где производится сравнительных анализ «Прометея» Вяч. Иванова и «Прометея» А.Н. Скрябина (§ 2.9.1.). Обращаясь к историко-литературному и биографическому контексту и привлекая автодокументальный материал, Л.Г. Каяниди убедительно доказывает влияние Скрябина и его симфонической «Поэмы огня» на творческий процесс работы Вяч. Иванова над «Прометеем». Заслуживает внимание и наблюдение докторанта о том, что самого композитора Вяч. Иванов отождествлял «не с его, скрябинским, а со своим, ивановским, Прометеем» (с. 259). Здесь можно было бы добавить информацию об особом отношении Вяч. Иванова к музыке, возникшем еще в детские годы под влиянием матери, о его взаимоотношениях с композиторами, организаторами «Вечеров современной музыки», интересовавшимися новейшими течениями в этой области искусства.

В третьей главе диссертации Л.Г. Каяниди обращается к сюжету «ты еси» как второй важнейшей универсалии художественного мира Вяч. Иванова. Анализируется цикл «Порыв и грани», который был для поэта исключительно важен в структуре его первой книги лирики «Кормчие звезды». Автор диссертации обосновывает свое возвращение к первому сборнику поэта, на первый взгляд, нарушающее общую хронологию исследования, доказывая, что многие существенные элементы мистериально-дионисийского сюжета уже «латентно содержатся» в текстах стихотворений этого сборника (с. 263). Автор успешно справляется со своей задачей, доказывая глубоким и всесторонним анализом стихотворных текстов присутствие элементов мистериально-дионисийского сюжета в цикле, где Дионис практически отсутствует «на мотивно-тематическом уровне и называется только перифрастически» (с. 264).

Эта глава, на наш взгляд, наиболее интересна и содержательна, поскольку в ней широко представлен историко-литературный контекст, практически отсутствующий в первых двух главах. Посредством глубокого анализа текстов стихотворений цикла «Порыв и грани» докторанту удалось доказать, что «недионисийская» лирика органично вписывается в мистериально-дионисийский метатекст. Следует отметить и способы создания этого метатекста, выделенные докторантом, которые убедительно подтверждают его выводы.

Оправданной представляется попытка Л.Г. Каяниди объединить выделенные им «байронический» и «дантовский» подтексты, отражающие ивановскую концепцию Эроса (Диониса), с «дионисийским субстратом» (с. 279). Стоит заметить, что она во многом совпадает с концепцией любви русских символистов (З. Гиппиус, А. Блок), которые были убеждены, что в земных условиях любовь «оказывается невыразима и неосуществима» (с. 284).

Не менее интересен сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения Вяч. Иванова «Творчество» и стихотворения А.К. Толстого «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...», в ходе которого обнаруживается сходство в концепции теургического искусства. Причину сходства Л.Г. Каяниди оправданно связывает с общими эстетическими установками обоих поэтов. На основании проведенного исследования диссертант приходит к выводу, что «романтическая образно-первообразная эстетическая концепция Толстого соответствует мистериально-дионисийскому сюжету (третьей триаде сотериологического сюжета)» (с. 317–318).

В параграфе 3.2. рассматривается сюжет «ты еси» как вторая важнейшая универсалия художественного мира Вяч. Иванова. В процессе наблюдения над возникновением концепции диссертант опирается на широкий историко-литературный контекст. Убедительной является его версия появления формулы «ты еси». В ходе ее обоснования Л.Г. Каяниди привлекает многочисленные автодокументальные свидетельства, использует рукописные материалы из фонда Вяч. Иванова. Анализируя мистическую антропологию поэта, представленную в основном в его статье «Ты еси», Л.Г. Каяниди связывает ее с мистериально-дионисийским сюжетом, где мистическая антропология «является его видоизмененным повторением» (с. 326).

Несомненный интерес представляет раздел, посвященный визионерскому опыту и жизнетворческим практикам (тройственным союзам) Вяч. Иванова в ракурсе мистериально-дионисийского сюжета. Чтобы обосновать интерес поэта к «визионарной эстетике», диссертант подробно характеризует историко-литературную ситуацию, располагающую к проведению «визионерских» практик. Совершенно оправданно Л.Г. Каяниди основывается на привлечение биографических фактов, объясняющих многие черты душевного склада Вяч. Иванова, в частности, его склонность к мистицизму.

Импонирует, что диссертант не считает тему своего исследования исчерпанной и в заключении намечает широкие перспективы дальнейшего изучения художественного мира Вяч. Иванова.

Однако, несмотря на безусловные достоинства работы Л.Г. Каяниди, в ходе чтения возникла необходимость высказать ряд замечаний и предложений.

1. Руководствуясь тремя основными подходами к пониманию художественного мира поэта, сложившимися в ивановедении на современном этапе, диссертант не называет имен исследователей первого подхода, по словам диссертанта, наиболее распространенного и утвердившегося, – концепции палимпсеста. Приводятся имена ученых, которые лишь частично использовали этот метод при анализе отдельных тем в творчестве Вяч. Иванова (например, символика Анимы). В то время как в отношении второго и третьего подходов конкретно указаны имена исследователей, его предложивших, – это Л.В. Павлова и Л.А. Гоготишивили.

2. На наш взгляд, в работе недостаточно полно охарактеризован историко-культурный контекст эпохи рубежа XIX–XX вв. Складывается впечатление некой изолированности Вяч. Иванова от общественно-социальных проблем, литературной жизни, художественно-эстетических взглядов своих современников. Несмотря на то, что цель диссертации состоит в том, чтобы «реконструировать структурно-семантическую модель художественного мира Вячеслава Иванова» (с. 20), все же надо учитывать, что сама категория «художественный мир» напрямую связана с закономерностями развития историко-литературного процесса и ими обусловливается. Выбор же модели художественного мира писателя всегда обоснован и зависит от конкретной культурно-исторической ситуации.

Признавая первостепенную роль Вяч. Иванова в разработке и популяризации дионисийской идеи, нужно отметить, что интерес к дионисизму возникает у него тогда, когда тема античности, дионисийского культа, сама фигура Диониса становятся частью символистской эстетики. Стоит вспомнить произведения Д. Мережковского, статьи Вл. Соловьева, показателен и пример И. Анненского, у которого в 1894 году выходит статья «Дионис в легенде и культе».

3. Проблема религиозных взглядов Вяч. Иванова также обойдена вниманием диссертанта. Поскольку Л.Г. Каяниди позиционирует Вяч. Иванова «как оригинального христианского мыслителя» (с.377), следовало бы обратиться к существу этой «христианской оригинальности», которая в ивановедении интерпретируется по-разному. И здесь опять необходим контекст, в данном случае религиозно-философский, который во многом объясняет сложность и неоднозначность религиозных взглядов Вяч. Иванова. В этом отношении интересны и материалы Религиозно-философских обществ, где он неоднократно выступал с докладами. Много интересных замечаний по поводу религиозности Вяч. Иванова содержится

в дневнике секретаря Религиозно-философского общества С.П. Каблукова, который продолжительное время общался с поэтом и считал его своим другом.

4. В тексте диссертации неоднократно упоминается о «космизме» Вяч. Иванова. Возможно, стоило бы остановиться на космизме как актуальном философском течении рубежа XIX – XX вв., уходящим своими корнями в философию античности и, вполне вероятно, повлиявшим на формирование художественного мира поэта. Заслуживает внимание и тот факт, что Вяч. Иванов пристально следил за творчеством К.Д. Бальмонта, одного из самых ярких представителей идей космизма в русской поэзии начала XX в.

5. Проблема любви и пола, семьи и брака, «примирения» духа и плоти была одной из основных в русской философии конца XIX – начала XX вв. и являлась частью «русского духовного ренессанса». В этом отношении мистериально-дионисийская концепция вполне отвечала запросам общества. На взгляд оппонента, в работе недостает отсылок к Вл. Соловьеву, имя которого стало своеобразным эпонимом тех процессов, которые происходили в литературе рубежа XIX–XX вв., а именно – к его «философии любви», раскрытой в статьях «Смысл любви» и «Жизненная драма Платона», которые напрямую связаны с мистериально-дионисийской концепцией.

6. В разделе 3.4.5., где речь идет о «тройственных союзах» в жизнетворческой практике Вяч. Иванова, по мнению оппонента, необходим историко-литературный и религиозно-философский комментарий, поскольку «тройственные союзы», связанные с «башенным» периодом жизни Вяч. Иванова (1905–1907 гг.), были продолжением жизнетворческих практик старших символистов. Так, например, еще в 1901 г. З. Гиппиус начала активные поиски «третьего», который стал бы участником тройственного союза с ней и ее мужем Д. Мережковским. Разумеется, идеологический вектор их поисков отличался от ивановского, но это было общей тенденцией времени, явлением одного порядка. В связи с этим можно было бы обратиться к монографии Кирсти Эконен «Творец, субъект, женщина», где представлена довольно любопытная интерпретация тройственного союза в семье Ивановых.

Однако сделанные замечания носят характер уточнений и пожеланий и не оказывают принципиального влияния на общую высокую оценку работы Л.Г. Каяниди. Они ассоциируются, скорее, с размышлениями о тех проблемах изучения обширного и сложного наследия Вяч. Иванова, которые назрели на современном этапе.

Цель и задачи, поставленные перед исследователем, в полной мере реализованы; положения, выносимые на защиту, представляются вполне

продуманными и убедительно доказываются в ходе проведенных исследований. Полученные результаты, отражённые в автореферате, двух монографиях и 51 статье (23 из них опубликованы в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации), являются достоверными, а выводы обоснованными и доказательными.

Диссертация Л.Г. Каяниди «Универсальная модель художественного мира Вячеслава Иванова» является глубоким, оригинальным научно-квалификационным исследованием, в котором представлена научная концепция интегральной модели художественного мира поэта, что вносит существенный вклад в современное ивановедение, а также расширяет и развивает историко-литературные представления о путях развития русского символизма.

Представленное диссертационное исследование полностью соответствует требованиям п.п. 9–11, 13 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842, а её автор Леонид Геннадьевич Каяниди заслуживает присвоения учёной степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

24 декабря 2025 г.

Доктор филологических наук

(специальность 10.01.01 – русская литература), профессор,

ФГБОУ ВО «Курский государственный

университет», профессор кафедры литературы

Криволапова Елена Михайловна

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защищенной диссертацией, и их дальнейшей обработки, не возражаю.

Адрес: 305000, Курская область, г. Курск,
улица Радищева, 33,
ФГБОУ «Курский государственный
университет».

Телефон места работы: +7 (4712) 51-19-91

E-mail: elena_vroblevska@mail.ru

С основными научными публикациями Елены Михайловны Криволаповой можно ознакомиться на сайте в сети Интернет: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=774867

продуманными и убедительно доказываются в ходе проведенных исследований. Полученные результаты, отражённые в автореферате, двух монографиях и 51 статье (23 из них опубликованы в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации), являются достоверными, а выводы обоснованными и доказательными.

Диссертация Л.Г. Каяниди «Универсальная модель художественного мира Вячеслава Иванова» является глубоким, оригинальным научно-квалификационным исследованием, в котором представлена научная концепция интегральной модели художественного мира поэта, что вносит существенный вклад в современное ивановедение, а также расширяет и развивает историко-литературные представления о путях развития русского символизма.

Представленное диссертационное исследование полностью соответствует требованиям п.п. 9–11, 13 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842, а её автор Леонид Геннадьевич Каяниди заслуживает присвоения учёной степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

24 декабря 2025 г.

Доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература), профессор,
ФГБОУ ВО «Курский государственный
университет», профессор кафедры литературы

 Криволапова Елена Михайловна

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки, не возражаю.

Адрес: 305000, Курская область, г. Курск,
улица Радищева, 33,
ФГБОУ «Курский государственный
университет».

Телефон места работы: +7 (4712) 51-19-91
E-mail: elena_vtoblevska@mail.ru

С основными научными публикациями Елены Михайловны Криволаповой можно ознакомиться на сайте в сети Интернет: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=774867

